

DOI: 10.18721/JHSS.8310

УДК 973.03

ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ ПРОЕКТ АНГЛИЙСКОГО ПРОСВЕТИТЕЛЯ ДЖОНАСА ХЭНВЕЯ

С.А. Васильева

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний,
г. Рязань, Российская Федерация

В статье рассматривается неизвестное в отечественной историографии произведение английского путешественника, публициста, общественного деятеля и филантропа Джонаса Хэнвея «Одинокое тюремное заключение», написанное в 1775 г. На основе методологических принципов «новой культурно-интеллектуальной истории» проведен дискурсивный анализ текста эссе, позволяющий комплексно рассмотреть проблему назревшего реформирования английской системы исполнения уголовных наказаний XVIII в. и ее отражение в общественном сознании того времени. Хэнвей в своей работе анализирует причины возраставшей криминализации современной ему Англии и приходит к выводу: главная проблема заключается в падении роли религии и связанном с этим пренебрежении к гражданским законам. В качестве способа «излечения социальной язвы» преступности Хэнвей предлагает кардинальную реформу системы уголовных наказаний, представил проект тюрьмы, основанный на принципе изоляции, религиозном воздействии на арестанта и приучении его к труду. Он вводит понятие «пространство между двумя мирами», представляя одиночную камеру местом, где должны быть созданы условия для возникновения у преступника глубокого раскаяния, желания искупить свою вину и вернуться в общество честным гражданином. Материалы статьи могут использоваться для дальнейшей реконструкции истории повседневности, социальных и культурных практик Англии Нового времени, а также для развития парадигмы «новой культурно-интеллектуальной истории» в современной отечественной исторической науке.

Ключевые слова: Великобритания; XVIII век; Джонас Хэнвей; пенитенциарные реформы; одиночное тюремное заключение

Ссылка при цитировании: Васильева С.А. Пенитенциарный проект английского просветителя Джонаса Хэнвея // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2017. Т. 8, № 3. С. 101–112. DOI: 10.18721/JHSS.8310

JONAS HANWAY PRESENTS THE SOCIAL PROJECT OF THE PERFECTED PRISON

S.A. Vasileva

Academy of Penal Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

The paper presents the opus “Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention” (1775), by English philanthropist, traveler and publicist Jonas Hanway, that is unknown in Russian historiography. Based

on methodological principles of the ‘new cultural and intellectual history’, the author analyzes the discourse of the problem, which makes it possible to examine the overdue reform of the English penal system comprehensively and to identify its reflection in the public consciousness. The English enlightener discusses the causes of the increasing criminalization of society and comes to the conclusion that the main problem lies in ‘infidelity and neglect of religion’ and ‘disobedience of the laws of our country’ as a result. As a way to ‘cure moral disease’, Hanway offers a radical reform of the penal system. He disapproves the methods of criminal repression (death penalty, transportation overseas), because that does not solve the problem of increasing criminalization and does not introduce good morals and support religion. Jonas Hanway presents his social project of the perfected prison (he calls it ‘the reformatory’), based on the principles of solitary confinement, religious authority and correctional labor. The enlightener introduces the concept of ‘the intermediate state between both worlds’, and represents solitary confinement as a location and a condition for deep reflection and desire to make amends and to render life useful and beneficial to society. The theoretical and methodological basis for Hanway’s penitentiary project is in the ideals of the Enlightenment and Christian ethics, which is supposed to prepare offenders and criminals to achieve harmony in both worlds. Hanway draws the attention of authorities and society to the danger of further marginalization of the inhabitants of the metropolis. In conditions of practical absence of the police, he appeals to morality and religion as the only way to ‘preserve the people, in the enjoyment of the genuine fruits of liberty and freedom from violence’. In the essay, Hanway reflects on the progressive idea to revise the purpose and goals of the prisoners’ work: from punitive and convict labor to correctional labor leading to honest life. The author of the paper comes to the conclusion that the particular spiritual development of English society at the turn of the Middle Ages and modern times, as well as the religious quest of English Protestantism, led to the direct dependence of the penal reform on the religious factor. The paper aims to develop the paradigm of the ‘new cultural and intellectual history’ in modern national historical science.

Keywords: United Kingdom; eighteenth century; Jonas Hanway; prison reform; solitary imprisonment

Citation: S.A. Vasileva, Jonas Hanway presents the social project of the perfected prison, St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 8 (3) (2017) 101–112. DOI: 10.18721/JHSS.8310

Введение

Удивительный век Просвещения породил удивительную страту образованных людей, осуществляющих лидерскую роль интеллектуального, художественного, социального или политического авангарда, — интеллигенцию¹. Современный историк-англовед Т.Л. Лабутина, подчеркивая «мощное интеллектуальное воздействие британской культуры» в эпоху Просвещения, провела интересный анализ трансферта передовых идей английских просветителей через

политическую элиту США, Франции и России в идеологию и культуру этих стран [1, с. 152]. Идеинный багаж английского Просвещения — неиссякаемый источник исследования для историка, правоведа, философа, социолога и педагога. Большинство английских просветителей XVIII в. уже нашли своих биографов, почитателей, подражателей, апологетов и критиков в российской научной мысли. Их наследие скрупулезно изучено, положено в основу классических и фундаментальных теорий, на его основе построены учебники и до сих пор защищаются серьезные диссертации. В связи с этим ценной находкой для отечественного исследователя становится возможность открыть современному

¹ Данное определение интеллигенции предлагает Уэбстеровский словарь. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/intelligentsia>.

читателю еще неизвестные или малоизвестные имена, прикоснуться к еще не изученному идейному наследию и рассмотреть его рецепцию в межкультурных коммуникациях.

Историк, путешественник, коммерсант, общественный деятель и филантроп Джонас Хэнвей оставил богатейшее публицистическое и эпистолярное наследие: известны 74 печатные работы, посвященные самым разнообразным социальным проблемам. Благотворительность и попечение о подкидышах, проблема транзитной торговли с Ираном через Россию, критика традиционного английского чаепития, вопросы снабжения военно-морского флота, сопротивление натурализации евреев и усовершенствование системы церковно-приходского учета рожденных младенцев — это лишь часть объектов его многочисленных исследований. Однако любопытно отметить, что, несмотря на такой внушительный «багаж» типично просветительских идей, известность Хэнвею принесло банальное изобретение, которым он в свое время эпатировал лондонское общество, — зонтик как средство защиты от дождя.

В зарубежной историографии Хэнвей всё-таки обрел своего биографа: преподобный Р.Э. Джейн, священник методистской церкви, в 1929 г. составил биографию просветителя под заглавием «Джонас Хэнвей: филантроп, политик, автор» [2]. Социальная активность и филантропическая деятельность Хэнвея подробно освещены в монографическом исследовании британского ученого Дж. Тейлора [3]. В российской историографии об этом типичном английском интеллигенте XVIII столетия известно чрезвычайно мало. В Энциклопедии Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в краткой биографической статье сообщается о купце и путешественнике Джоне Ганвее, который исследовал Каспийское море, подробно описал свое плавание и даже составил карту моря (однако неточную!)². Об общественной и филантропической деятельности Хэнвея вскользь упоминается в связи с основанием воскресных школ и «многих других благотворительных учреждений». В современной отечественной историографии к идейному наследию Хэнвея

в области экономики и торговли впервые после значительного временного перерыва обратилась В.П. Сидорова [4]. Его интеллектуальное наследие в области социальной политики: борьба с бедностью и нищетой, организация системы охраны материнства и детства — проанализировано в работе Ю.Е. Барловой и М.С. Осиповой «Настоятельный призыв к милосердию: Джонас Хануэй в истории английской социальной политики» [5]. Любопытное исследование деловых контактов английского купца Хэнвея и выдающегося русского историка В.Н. Татищева представил А.В. Майоров [6].

В данной статье речь пойдет об идейном наследию Дж. Хэнвея в области пенитенциарного реформирования. Этот общеевропейский процесс конца XVIII — середины XIX в. возник на базе английского Просвещения и был «транспортирован» в европейские страны, США и Российскую империю. Одна из поздних работ Хэнвея, известная как «Одинокое тюремное заключение», — бесценный вклад в идейные основы и базовые принципы пенологии, науки об исполнении наказания. Удивительно, что взгляды, высказанные Хэнвеем раньше многих реформаторов системы уголовного наказания, до сих пор не принесли ему известности в кругу исследователей-криминологов или специалистов в области пенитенциарной педагогики. В зарубежной историографии обращение к пенитенциарным проектам Хэнвея до конца XX в. было избирательным и эпизодичным. Французский социальный философ М. Фуко в знаменитой работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» обращается к идейному наследию Хэнвея единожды, но, тем не менее, закрепляет за ним идейное первенство в зарождении концепции тюрьмы нового типа [7, с. 179–180]. В классическом базовом исследовании по истории западной системы исполнения наказаний «Оксфордская история тюрьмы: практика наказания в западном обществе» реформаторским взглядам Хэнвея уделено не больше двух абзацев, но основной импульс его публицистического проекта подмечен очень четко: как «часть поднимающегося евангелического прилива, который захватил многих сторонников реформ в конце восемнадцатого столетия» [8, с. 77]. Детальное исследование взглядов и пенитенциарных проектов Хэнвея представлено в научных изысканиях современных историков.

² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/26253/ (дата обращения: 16.06.2017).

Например, Ф. Додсворт, рассматривая интеллектуальное наследие просветителя в области социального реформирования, отмечает его стремление преодолеть негативный настрой английской элиты в отношении социальных девиаций – проституции, преступности, нищеты [9]. В серии статей и диссертационном исследовании британского исследователя Ф. Хардман представлен глубокий анализ пенитенциарных взглядов Хэнвея [10].

Постановка проблемы и цели исследования

Отечественная историография, как уже отмечалось выше, немного знакома с Хэнвеем как путешественником и филантропом, а вот деятельность Хэнвея как тюремного реформатора до сих пор не удостоена исследования. Попытаемся заполнить эту лакуну, познакомив русскоязычного читателя с упомянутым эссе Хэнвея, аутентичное название которого *«Одинокое тюремное заключение. С предложениями выгодного использования труда, скромного рациона питания, наиболее гуманных и эффективных способов воспитания злодеев, приговоренных к смертной казни или высылке, правильного понимания их состояния; с предложениями по исцеляющей профилактике. А также как обучить правонарушителей и преступников достижению гармонии в обоих мирах и сохранить для нации достигнутые плоды свободы и безопасности от насилия»* [11]. С первой страницы оно декларирует широту взглядов просветителя и охват тех вопросов, которые он пытается вынести на повестку обсуждения для государственных деятелей и широкой общественности.

Методология

Методологическим ориентиром при анализе произведения Дж. Хэнвея послужили принципы «новой культурно-интеллектуальной истории», которая видит свою основную задачу в исследовании интеллектуальной деятельности и процессов в сфере гуманитарного, социального и естественно-научного знания в их конкретно-историческом социокультурном контексте [12]. Предпринята попытка решить двуединую задачу: провести дискурсивный анализ труда просветителя как продукта интеллектуальной деятельности и включить в исследовательское поле рассмотрение социальных процессов и практик в сравнительной культурной перспективе.

Результаты исследования

Джонас Хэнвей подходит к проблеме социального реформизма с позиции глубоко религиозного гражданина и все методы борьбы с преступностью так или иначе связывает с укреплением морали и религии. Свою публикацию Хэнвей рассматривал как проект (или план) по искоренению преступности и реформированию тюремной системы, который был предложен правительству. Главная цель этого плана – «предохранить» преступников от зла, сбить их с пути греха, тем самым поддержав основы христианского благочестия и гражданских законов. Через более чем 140 страниц его эссе красной нитью проходит идея сопричастности и взаимной связи двух миров – Божественного и земного. «Я льщу себе мыслью, – пишет Хэнвей, – что предложение моих соображений есть исполнение христианского долга перед Творцом и гражданского долга перед моей страной, вознося сердечные молитвы о том, что *глупый поумнеет*, а нечестивый оставит этот губительный путь и будет *жить*» [11, с. 144].

Один из публицистических приемов, которым пользовались социальные реформаторы эпохи Просвещения, состоял в трактовке рассматриваемой проблемы с позиции «социального врачевателя»: поставить диагноз, определить этиологию, предписать курс лечения, в идеале ведущий к искоренению искомой общественной «язвы». Для Хэнвея эта «язва» времени представляет собой «разложение морали, вызванное, предположительно, растущим достатком» [Там же. С. 3]. Оно в свою очередь приводит к угрожающе растущему числу правонарушителей. Проблемы увеличивающейся криминализации мегаполиса, рассуждает просветитель, уже не решает ни эскалация применения смертной казни, ни рост потока практикуемой транспортировки преступников в заокеанские колонии.

Непревзойденным мастером «препарирования» общественных пороков был британский философ-моралист Б. Мандевилль, который в памфлете «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» [13], написанном на полвека раньше сочинения Хэнвея, высказывал схожие мысли. Мандевилль считал рост преступности социально обусловленным явлением и возлагал ответственность за это на общество и его нравы. Однако, в отличие от Хэнвея, Ман-

девилль скептически относился к религии и мало верил в целительные свойства христианского благочестия как средства излечения от разложения нравов.

Хэнвей, напротив, в попытке «диагностировать» глубинные причины роста преступности выдвигает предположение: «Не является ли ослабление или отрицание религии главной причиной того, на что мы жалуемся?» [11, с. 4]. Развивая эту мысль, гуманист интуитивно подходит к тому, что последующие мыслители называют секуляризацией сознания и мышления. Когда человеком более не движет страх перед Вечным наказанием, убежден Хэнвей, он теряет веру в то, что этот мир мудро управляем Творцом. Страх перед виселицей, связанный с ожиданием вечных мучений после смерти, предположительно, может оказывать сдерживающий эффект на часть «злодеев», которые признают авторитет религии. Просветитель проводит интересную параллель между воспитанием общества и воспитанием ребенка: невозможно управлять ребенком без использования «родительского авторитета», как невозможно управлять нацией, не опираясь на сходные авторитеты. В данном случае этот авторитет базируется на принципах религии: «Страх перед Богом — источник мудрости, а отсутствие этого страха — начало глупости и извращенности, которое в конечном итоге приведет к уничтожению всего человечества» [Там же. С. 26]. С утратой авторитета религии (особенно это актуально в случае с молодыми людьми), считает Хэнвей, исчезают страх перед Господом и стремление готовить душу к вечной жизни, что приводит к презрению и земных законов.

В поисках сопутствующей причины «социальной язвы» преступности, Хэнвей «спускается с небес на землю» и осторожно критикует современную ему систему правосудия, высказывая сожаление по поводу того, что существующие меры правовой защиты общества «никогда не были достаточны для радикального излечения болезни» [Там же. С. 5]. Хэнвей был современником эпохи в истории английского правосудия, которая получила символическое прозвище «эпоха кровавых кодексов». Практически ежегодно парламент принимал статуты, пополняя список преступлений, караемых смертной казнью. В «Комментариях к английским законам» (1765–1769) знаменитый

английский правовед У. Блэкстон упоминает о 160 видах таких преступлений, Дж. Тревельян говорит уже о 200 к началу XIX в. [14, с. 376]. Однако, характеризуя «нелогичный хаос английских законов», современных Хэнвею, историк здесь же комментирует: «Из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали» [Там же]. Хэнвей свидетельствует, что в современной ему Англии «один из тринадцати заслуживающих смертную казнь по закону, получает приговор в исполнение... Двенадцать остальных крепнут в убеждении, что преступления можно совершать безнаказанно» [11, с. 12]. Исследования русского юриста А.Ф. Кистяковского [15] подтверждают: в Лондоне с 1749 по 1772 г. к смертной казни был приговорен 1121 преступник, но действительно казнено 678 человек. Приглашая к дискуссии, Хэнвей с патетикой вопрошает: если наши законы не работают, должны ли мы задуматься о новых?

В развитие темы публицист патриотично рассуждает: «Мы не уступаем ни одной нации в отношении своих законов и правительства, но по странной фатальности стране, достигшей такого величия, угрожает опасность изнутри: не из дремучих лесов и далеких гор, а из самого сердца мегаполиса» [11, с. 10]. Под внутренней угрозой публицист подразумевает «искусство грабежа и разбоя, которое расцветает и усложняется». И в таких условиях памфлетист не видит иного пути избавления от криминальной маргинализации, кроме кардинального реформирования системы уголовного правосудия.

«Некоторые думают, — продолжает рассуждать Хэнвей, — что война — единственный способ выпустить дурную кровь нации», опять-таки предвосхищая мыслителей последующих поколений, утверждавших, что пассионарии гибнут во время вооруженных конфликтов в больших количествах. Просветитель не совсем согласен с этим утверждением: «То, что порождается невежеством, не устранить войной. Никакая война не исправит порушенной национальной морали», — считает он [Там же. С. 62]. Но «если война не избавит Англию от возрастающей активности криминализованных масс, есть ли надежда решить проблему внутренними ресурсами?» — вопрошает Хэнвей, переходя к проблеме полиции. Вопрос скорее риторический, так как

современники Хэнвея вообще скептически относились к формирующимся органам охраны внутреннего правопорядка, а публицисты использовали любой повод покритиковать полицию, вернее ее отсутствие. Б. Мандевиль в упоминавшемся памфлете презрительно осудил практику сотрудничества полиции с ворами, когда, будучи не в силах совладать с разветвленной сетью воров лондонского преступного мира, полицейские шли на сговор с агентами-«вороловами», которые за плату гарантировали возврат украденного (часто их же «конторой») имущества [16].

Дж.М. Тревельян, комментируя состояние полиции и правосудия в XVIII в., подметил: «Действительно является чудом, что наши предки вообще могли охранять общественный порядок и частную собственность» [14, с. 376–377]. Л. Радзинович, крупнейший специалист в области английского уголовного права, подтверждает, что до середины XIX в. в английском обществе не было даже понимания превентивной функции полиции в предотвращении преступности [17, с. 1]. Таким образом, «стабильность» общественного порядка в Англии, современной Хэнвею, фактически жила на понятиях, сформулированных еще апостолом Павлом: «И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести»³. А набат памфлетиста как раз и звучит по случаю того, что современные ему британцы постепенно утрачивают и страх Божий, и совестливое отношение к исполнению земных законов. Хэнвей разделял скепсис «коллег по цеху» в отношении полиции, чему посвятил отдельное эссе с характерным для его работ пространством «говорящим» заголовком: «*О дефектах полиции: причины безнравственности, постоянных грабежей в мегаполисе, с различными предложениями по предотвращению виселицы и высылки преступников*» [18]. По мнению Хэнвея, полиция не в состоянии обеспечить его современникам ощущение защищенности и безопасность от тех, кто по «известным причинам» избежал виселицы: «Мы склонны преувеличивать опасность, но в данном случае не будет преувеличением утверждать, что мы живем в стране, где человек не чувствует себя в безопас-

ности от пистолета, приставленного к груди, ни в собственном доме, ни в экипаже, ни на улицах города. Можно, безусловно, удалиться в поместье за несколько миль от столицы, но и этого не сделаешь без хорошо вооруженной охраны или готовности в случае нападения заплатить сколько потребуют ради сохранения жизни... Так как же после этого мы можем утверждать, что мы – свободная нация?» [11, с. 63].

Еще один «игрок на поле» затронутого Хэнвеем социального конфликта – общественное мнение. Публицист обращается к известной народной поговорке «Спаси вора от виселицы, и он перережет тебе горло» (*Save a thief from the gallows and he will cut your throat*) в доказательство устойчиво негативных общественных представлений об аморальности преступника. Современный филолог О.А. Кирияк [19], исследовав признаки социокультурного концепта «воровство» в английском языковом сознании, подтверждает, что англоязычная специфика понимания воровства состоит в полном его неприятии, в четко выраженной идее преступности этого явления⁴. Хэнвей возлагает часть ответственности за эскалацию преступности на общество, которое не готово руководствоваться пониманием того, что «каждый человек способен на добродетель, если его правильно учить и гуманно с ним обращаться» [11, с. 98]. Комментируя существующие методы борьбы с преступностью, он не скупится на метафоры, сравнивая действия властей с «лаем собаки на луну, когда ее свет затеняет облако» [Там же. С. 15]. Стремясь защитить общество от «злодеев», власть помещает их «за решетку», но, учитывая состояние тюрем, тем самым она оказывает себе «медвежью услугу»: вместо «гуманной и рациональной» коррекции преступника помещают в «концентрированную» аморальную среду – «школу злодейства», в которой окончательно подрываются все основы нравственности

⁴О.А. Кирияк приводит и другие элементы народного фольклора, выражающие непримиримое отношение к воровству: *Повесьте вора в юности, тогда он не будет воровать в старости; Вор горюет о том, что его повесят, а не о том, что он вор*, а также примеры того, что в сознании англичанина порок воровства сопряжен с неправильным, недостаточным воспитанием: *Начинает рано воровать тот, кто не может сказать «нет»; Тот, кто ничему не учит своего сына, воспитывает вора*.

³Послание к римлянам 13:5.

и религии [11, с. 13]. Хэнвей убежден, что общение в порочном окружении подобно «заразе», которая бесконтрольно расползается, а печально известные цепи и кандалы помогут сдержать, но не вылечить или предотвратить «заразу» и разложение [Там же. С. 45]. М. Фуко, анализируя взгляды Хэнвея, кратко подытожил отрицательные доводы в отношении тюрем совместного содержания: «Скученность в тюрьме способствует распространению дурных примеров и создает возможность побега в настоящем и шантажа или сообщничества – в будущем» [7, с. 179].

Таким образом, установив «социальную болезнь» и описав ее причины, Хэнвей, подражая врачу, который предупреждает, что, если не принять меры, развитие недуга станет необратимым, вновь подводит своих читателей к доминанте своего проекта: «Те, кто полагают, что мы можем жить, не руководствуясь религией, станут первыми жертвами кровавого насилия» [11, с. 45]. Краеугольный камень предложенного им проекта – организация длительного одиночного заключения. По мнению реформатора, необходимо создать все условия для покаяния и искупления грехов, тем самым предложив шанс на возвращение к честной жизни. Только переход к одиночному заключению «способен поддержать достоинства наших законов и глубину и святость нашей веры» [Там же. С. 98]. Тюрьма в понимании Хэнвея – репрезентация земного чистилища, «свидетельство милосердия Создателя и мудрых законов страны» [Там же. С. 88]. Успех плана, уверен публицист, напрямую зависит от «количества и качества» задействованных в нем священнослужителей, а также от желания властей кардинально реформировать систему уголовного правосудия. Свои предложения Хэнвей изложил в инструктивной форме – в качестве рекомендаций исправительному учреждению Брайдвелл и в форме авторского проекта типового тюремного заведения, рассчитанного на одиночный режим содержания. Эти два документа – подлинная находка для историков-правоведов, так как представляют собой практически оформленную тюремную инструкцию, которая официально появится несколько позже⁵. Похожую авторскую инструкцию к устройению исправительной тюрьмы в 1818 г. предло-

жил Т. Бакстон [20], член «Общества улучшения тюремного содержания», идеолог и теолог религиозного движения квакеров. Предложения Хэнвея не только опередили ее на полвека, но и отличаются, на наш взгляд, большей продуманностью и прагматизмом.

Исправительное заведение Брайдвелл располагалось в бывшей королевской резиденции Брайдвелл палас, построенной для Генриха VIII, но впоследствии по повелению Эдварда IV переданной под приют – больницу – исправительное учреждение для нищенок, бродяжек и «заблудших» женщин. Предложения Хэнвея по изменению режима содержания арестованных в Брайдвелле содержат 34 пункта и охватывают практически все аспекты «организации исправления» женщин в условиях тюремного заключения. Учтены требования к материальному обеспечению мест лишения свободы: женщины должны быть чистыми, накормленными, прилично одетыми. «Арестанткам надобно внушать, что чистота – признак добродетели». В камерах необходимо предусмотреть «достаточно света, чтобы [можно было] читать и работать», наладить свободную циркуляцию воздуха и водоснабжение для здоровья арестанток, обеспечивать их горячей пищей. Желательно, чтобы были оборудованы церковь или молельные комнаты и чтобы городские власти выделяли деньги на благие цели.

Предложения по «укреплению морали» занимают, пожалуй, главное место в инструкциях Хэнвея: рекомендованы ежедневные наставления женщин в религии, обеспечение доступа к благочестивым книгам, предоставление возможности обучения грамоте для невежественных. Кроме того, Хэнвей считает, что необходимо убедить арестанток выучить ряд молитв (независимо от того, умеет ли женщина читать). За хорошее поведение срок заключения может быть сокращен, и арестантка должна об этом знать. Обеспечивать выполнение режима должна тюремная матрона, «активная, бдительная, глубоко религиозная», подчиняющаяся непосредственно управляющему тюрьмой. Поскольку проект реформатора основан на идее одиночного содержания, он подробно остановился на характеристиках камер. С учетом размеров женских палат Брайдвелла и количества женщин, приговариваемых к исправлению, реконструированные одиночные кельи

⁵ Тюремные статуы 1779 и 1823 гг.

(вместо общих камер) получатся небольшими, по 12–14 квадратных футов⁶ (в идеале предполагалось по 16–18 квадратных футов), с откидной кроватью для увеличения в дневное время свободного пространства, в том числе для занятия трудом [11, с. 29–36].

Предлагая перевод контингента Брайдвелла на одиночное содержание, Хэнвей признает, что подобная мера «может быть слишком тяжелой для женщин и восприниматься ими как суровое наказание». Он, с одной стороны, допускает возможность общения арестанток с друзьями для «удовлетворения потребностей», с другой — предостерегает, что тем самым *некоторые* могут вернуться на «порочный путь». В последующих рассуждениях реформатор предлагает варьирование срока одиночного содержания в зависимости от поведения: его сокращение — награда для послушных, увеличение — наказание для строптивых [Там же. С. 44].

В предложениях по «исправлению морали» Хэнвей вводит понятие рефлексии (само-созерцания), а также наставлений и увещеваний, чтобы рефлексию вызвать. Мы каждый день видим, отмечает он, как из-за недостатка образования, дурного примера, порочного круга общения многие вступают на путь, ведущий к гибели. Если нет понятия о вечной жизни и Страшном суде, нет веры во славу Господа и надежды на воздаяние после смерти, то человек словно блуждает во тьме. Умелый священник должен «донести мысль о приготовлении к вечной жизни и страхе вечных мучений», тогда заключение «вызовет глубокие перемены в сердце... слезы искреннего покаяния» [Там же].

Развивая мысль о целительном для души самосозерцании, Хэнвей говорит о том, что предложения, составленные им для узниц Брайдвелла, подойдут и для мужчин «порочного нрава». Представляя проект новой тюрьмы, основанный на принципе одиночного содержания, про-светитель уверяет, что ради этого эксперимента «готов рискнуть своей репутацией, так как убежден, что страх перед виселицей или высылкой не является более действенным средством предотвращения преступлений» [Там же. С. 99]. Зрелище смертной казни, убежден Хэнвей, вызывает сиюминутные ощущения, которые впо-

следствии сводятся к пониманию того, что все люди смертны. Человек — существо, движимое не только разумом, но и страстями. Будучи «сохраненным» от могилы, пусть даже в тюрьме, он может переосмыслить свою последующую жизнь, повернув ее так, чтобы приносить пользу обществу и сделать свою жизнь значимой. Тюрьма, таким образом, предоставляет преступнику шанс пересмотреть мотивы и обратиться к поиску смысла жизни, виселица же лишает его такого шанса [Там же. С. 102]. Под воздействием «шокового» одиночества человек сможет постичь глубину своего морального падения. Этот опыт заключения он никогда не забудет в последующем и вряд ли впадет в те же соблазны, рискуя оказаться в подобном заключении вновь. Рефлексируя на эту тему, Хэнвей признает: «Если бы я был приговорен к повешению, а потом приговор изменили бы на тюремное заключение, если бы у меня были книги, перо, чернила и бумага, я бы и не пожелал компании; и хотя „человек был создан не для того, чтобы пребывать в одиночестве“, я предпочел бы одиночество плохой компании. Дьявол во мне будет менее силен, чем когда он в окружении других демонов» [Там же. С. 104–105].

Описание модели одиночной тюрьмы структурировано по разделам, внутри которых по пунктам расписаны конкретные меры внутреннего и внешнего распорядка. Раздел «Внешний вид тюрьмы» состоит из требований к архитектуре и расположению здания: удаленное от населенных пунктов на милю или две, неприступное сооружение размером по 260 футов с каждой стороны. Предполагается, что здание тюрьмы будет иметь 4 этажа (по 52 одиночные камеры на каждом этаже; таким образом, вместимость ее составит 208 арестантов). Далее идут требования по размерам камер (ни одна камера не должна быть ниже уровня земли) и высоте потолков (должна быть обеспечена «свободная циркуляция воздуха ради здоровья арестантов»). Любопытно, что для потолка предусматривалась арочная конструкция, на манер церковных сводов, с очевидным намеком на присутствие Господа в жизни осужденного. Технические требования к зданию подразумевали отопление, надежную защиту окон и крыши от осадков. Внутреннее оснащение камер предполагало кран с питьевой водой, необходимую мебель и утварь. Архитектура здания предусматривала

⁶ Это соответствует 1,1–1,4 квадратного метра.

помещения для больницы, моленные комнаты или церковь (разделенную на отдельные будки-отсеки, чтобы узники не могли общаться во время службы), комнату охраны и отсек администрации. Также упоминаются хозяйственные помещения: столовая, прачечная, мастерские, тюремный огород и сад [11, с. 111–115].

В разделе «Организация режима» детально прописаны правила внутреннего распорядка: круглосуточная охрана, строжайший запрет на алкоголь (за исключением лекарств из рук врача), а также требования к тюремному штату. Хранитель тюрьмы избирался (назначался) «из числа честных и глубоко религиозных людей». По проекту Хэнвея, охране и рядовому персоналу не сообщалось имя арестанта, только номер, для обеспечения «равных условий покаяния и смирения». Для смутьянов и нарушителей режима предусматривались подземелья с питанием в виде хлеба и воды, срок содержания в них – до месяца. Отдельная глава правил посвящена фигуре тюремного капеллана. По замыслу Хэнвея, он должен был назначаться на эту должность архиепископом, иметь хорошие рекомендации и быть подготовленным к службе в тюрьме. Капелланы должны были проводить не только богослужения, но и беседы наедине, а также совершать обряды и таинства. Хэнвей предусмотрел даже макет учетной документации – журнала, который должен вести тюремный клерк, фиксируя основные биографические данные, род занятий, семейное положение, вероисповедание, срок приговора и т. п. В графе «Религия» предполагались заметки: способности к чтению, «выучил ли он молитвы, которые ему предписали», последнее причастие и т. п.

В разделе «Инспекция» Хэнвей высказал предположение о создании комиссии из шести честных горожан, уполномоченных совершать визиты к узникам, опрашивать офицеров об их поведении и труде, беседовать с капелланом, чтобы по истечении срока не менее чем в 6 месяцев принимать решение о том, что арестант «встал на путь восстановления утраченной полезной жизни» [Там же. С. 116–123].

Первая официальная тюремная инструкция, включенная в Тюремный статут 1779 г., не была такой подробной, как проект Хэнвея, в котором, казалось, были предусмотрены все аспекты организации заключения на качественно новых условиях.

В завершение проекта просветитель осторожно подошел к проблеме финансов, четко отдавая себе отчет в том, что строительство капитальных публичных зданий в каждом графстве – это весьма затратное мероприятие, очередное бремя для налогоплательщиков, ведущее к увеличению национального долга. К данному «щекотливому моменту» он переходит после раздела «Прибыль от труда арестантов». Предложенный Хэнвеем учет результатов арестантского труда и налаживание сбыта тюремной продукции поражают меркантильной дальновидностью. С одной стороны, реформатор подчеркивает исправительный характер труда арестантов, с другой – обращает внимание на возможность реализации продукции. Он гуманно признает право арестанта на часть прибыли и даже предусматривает возмещение причиненного преступником «ущерба обществу и государству» за счет результатов его труда. Таким образом, Хэнвей подходит к экономическому обоснованию своего проекта в долгосрочной перспективе.

Хэнвей прекрасно понимает, что издержки на строительство новых тюрем – слабое место его реформаторской инициативы, а потому прибегает и к риторике («Неужели мы не будем вкладываться в исправление морали наших граждан, которая лежит в основе как государственного, так и Божественного порядка» [Там же. С. 128–129]), и к экономическим подсчетам. Обращая внимание властей на тот факт, что строительство публичных зданий создаст дополнительные рабочие места тем, кто без этой возможности занялся бы преступным ремеслом, он рассматривает пример своего родного графства Мидлсекс. Рассчитав ежегодную прибыль от труда взрослого мужчины от 15 до 38 лет, Хэнвей акцентирует внимание на том, что, казнив преступников, графство «потеряет» потенциальную прибыль от их возможного труда. В качестве дополнительных налоговых сборов он смело предлагает увеличить налоги на развлечения: общественные театры, рестораны, бильярдные, чайные и пр. Пороки приобретают такие масштабы, пишет Хэнвей, что угрожают нашей безопасности, и чем переживать за утрату части средств в виде налогов, лучше думать о том, что мы вкладываемся в укрепление религии, законов человеческих и небесных [Там же. С. 133–134, 141].

Таким образом, еще раз обозначив долгосрочные перспективы своего проекта, потенциальную угрозу эскалации преступности при отсутствии действенных мер, Джонас Хэнвей завершает эссе очередным потоком риторики и обращением к христианскому мировоззрению. Неподчинение законам страны, поучает просветитель, ведет к восстанию против Божественного порядка в целом. Это оскорбляет ценности свободы и религии. «Мы слишком далеко продвинулись в практике сочетания показного милосердия и настоящей жестокости, тем самым сильно отклонившись от цели, которую желаем достичь. Мы оказались настолько недалеки, что сами отказываемся от средства сделать мир справедливым. Репутация, честь и достоинство той части общества, которая заинтересована в вопросе сдерживания грабежей и насилия, лежат в основе управления нацией... Пренебрежение к законам и правительству, которые обеспечивают наше существование как нации, граничит с презрением таковых, а отсутствие принципиальности в назначении наказания граничит с потворством преступлению» [11, с. 127–128]. Завершает свое эссе Хэнвей в духе Просвещения – выражением надежды на то, что только знание и чистота принципов помогают сделать выбор в пользу добра и света.

Заключение

На наш взгляд, рассматриваемый труд Джонаса Хэнвея, вобрав в себя черты эпохи классического английского Просвещения, иллюстрирует важный этап в истории европейских пенитенциарных реформ – воплощение теоретических идей в социальные конструкты. Анализируя эти конструкты, М. Фуко подтверждает

«первенство» Хэнвея в области пенитенциарного проектирования: «Схему задал в 1775 г. Хенуэй... Одинокая камера, техника христианского монашества, сохранившаяся лишь в католических странах, становится в этом протестантском обществе инструментом, с помощью которого можно перестроить одновременно и homo oeconomicus, и религиозное сознание. Тюрма должна образовывать „пространство между двумя мирами“, между преступлением и возвратом к праву и добродетели; место преобразования индивида, которое вернет государству утраченного гражданина. Аппарат для преобразования индивидов, который Хенуэй называет „реформаторием“» [7, с. 179–180]. Однако в оценке Фуко анализ исторического значения наследия Хэнвея всецело подчинен его теории «социального контроля», что, по нашему мнению, ведет к тенденциозности и упущению некоторых деталей. Воспользовавшись современным методом интеллектуальной истории, мы не можем не отметить определяющее влияние христианской этики Хэнвея на содержание его идей и проектов и элементов христианской риторики в презентации этих идей. Конструируя некое «промежуточное пространство между двумя мирами», Хэнвей призывал воспринимать его как способ «сохранить тело для этого мира» и «подготовить душу к другому миру», а значит, утопично грезил сделать чуть лучше оба мира. А это скорее не столько жажда новых усовершенствованных механизмов власти (какими, по М. Фуко, стали тюрьма, больница, армия), сколько «евангелие моральной честности», о котором не без гордости говорил Дж.М. Тревелльян: «Англичанин всюду, куда бы он ни попал, несет с собой чувство долга» [14, с. 385].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лабутина Т.Л. Рецепция идейного наследия английского Просвещения в США, Франции и России в XVIII веке // Диалог со временем. 2015. № 51. С. 151–164.
2. Jayne R.E. Jonas Hanway: Philanthropist, Politician, and Author (1712–1786), L.: The Epworth Press, J. Alfred Sharp, 1929.
3. Taylor J.S. Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain. L.: Scholar, 1985.
4. Сидорова В.П. Британский взгляд на торговлю России и Ирана (по запискам Дж. Ханвея) // Вестн. МГОУ. История и политические науки. 2010. № 3. С. 36–40.
5. Барлова Ю.Е., Осипова М.С. «Настоятельный призыв к милосердию»: Джонас Хануэй в истории английской социальной политики // Вестн. Ярославского гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2011. № 3. С. 10–16.
6. Майоров А.В. Древнерусские летописи в собраниях зарубежных библиотек // Российское государство в ист. измерении. Тр. ист. фак. СПбГУ. Т. 15. СПб., 2013. С. 129–145.

7. **Фуко М.** Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

8. **The Oxford History of the Prison.** The practice of punishment in Western society / ed. Morris N., Rothman D. N. Y., 1995.

9. **Dodsworth F.** Habit, the criminal body and the body politic in England, c. 1700–1800 // *Body & Society*. 2013. № 19 (2–3). Pp. 83–106.

10. **Hardman Ph.J.** The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, Univ. of Sheffield, 2007.

11. **Hanway J.** Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention. L., 1776.

12. **Репина Л.П.** Интеллектуальная история сегодня: проблемы и перспективы // *Вестн. РОИИ*. 2001. № 1. URL: <http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf> (дата обращения: 16.06.2017).

13. **Mandeville B.** An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725) // Free ebooks by Project Gutenberg. URL: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (дата обращения: 16.06.2017).

14. **Тревелиян Дж.М.** Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск: Русич, 2001.

15. **Кистяковский А.Ф.** Исследование о смертной казни. Тула: Автограф, 2000.

16. **Васильева С.А.** Проблемы реформирования английской системы уголовных наказаний в памфлете Б. Мандевиля «Расследование причин участвовавших казней в Тайберне» // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2016. № 3 (250). С. 114–120. DOI: 10.5862/JHSS.250.14.

17. **Radzinowicz L.** A History of English Criminal Law and its Administration from 1750: The Movement for Reform 1750–1833. Vol. 3. L., 1956.

18. **Hanway J.** The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, Particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation. L., 1775.

19. **Кирияк О.А.** Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2009.

20. **Buxton Th.F.** An Inquiry, whether Crime and Misery are Produced or Prevented by our Present System of Prison Discipline. 3rd ed. L.: J & A Arch, 1818.

ВАСИЛЬЕВА Светлана Анатольевна – Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний; VASI-SVETLANA@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 24.04.2017 г., принята к публикации 22.09.2017 г.

REFERENCES

[1] T.L. Labutina, [Reception of the Ideological Heritage of English Enlightenment in the USA, France and Russia in the 18th century], *Dialogue With Time*, 51 (2015) 151–164.

[2] R.E. Jayne, Jonas Hanway: Philanthropist, Politician, and Author (1712–1786), The Epworth Press, J. Alfred Sharp, London, 1929.

[3] J.S. Taylor, Jonas Hanway: founder of the Marine Society: charity and policy in eighteenth-century Britain. Scholar, London, 1985.

[4] V.P. Sidorova, [British outlook on trade between Russia and Iran in the middle of the XVIIIth century (according to Jonas Hanway)], *Bulletin of Moscow State Regional Univ. History And Political Sciences*, 3 (2010) 36–40.

[5] Yu.Ye. Barlova, M.S. Osipova, [“An Earnest Appeal for Mercy”: Jonas Hanway and the History of social policy in England], *Bulletin of Yaroslavl State Univ. after P.G. Demidov. Humanitarian Sciences*, 3 (2011) 10–16.

[6] A.V. Mayorov, [Old Russian chronicles in collections of foreign libraries], in: [The Russian State in

Historical Dimension. Proc. of the SPb Univ.], of vol. 15, St. Petersburg, 2013, pp. 129–145.

[7] M. Fuko, [Discipline and punish. The birth of the prison], Ad Marginem, Moscow, 1999.

[8] The Oxford history of the prison. The practice of punishment in Western society / ed. Morris N., Rothman D., New York, 1995.

[9] F. Dodsworth, Habit, the criminal body and the body politic in England, c. 1700–1800, *Body & Society*, 19 (2–3) (2013) 83–106.

[10] Ph.J. Hardman, The origins of late eighteenth-century prison reform in England. PhD thesis, Univ. of Sheffield, 2007.

[11] J. Hanway, Solitude in Imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutory Prevention, London, 1776.

- [12] L.P. Repina, [Intellectual history today: problems and prospects], ROII bulletin, 1 (2001). Available at: <http://roii.ru/bulletin/roii-bulletin-1.pdf> (accessed 16.06.2017).
- [13] B. Mandeville, An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725), Free ebooks by Project Gutenberg. Available at: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt> (accessed 16.06.2017).
- [14] Dzh.M. Trevelyan, [English Social History: A Survey of Six Centuries, Chaucer to Queen Victoria], Rusich, Smolensk, 2001.
- [15] A.F. Kistyakovskiy, Issledovanie o smertnoy kazni [Study on the death penalty], Avtograf, Tula, 2000.
- [16] S.A. Vasilyeva, [The problematic of penal reforms in England in a pamphlet “The enquiry into the causes of the frequent executions at Tyburn” (1725) by B. Mandeville], St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social Sciences, 3 (250) (2016) 114–120. DOI: 10.5862/JHSS.250.14.
- [17] L. Radzinowicz, A History of English Criminal Law and its Administration from 1750: The Movement for Reform 1750–1833, of vol. 3, London, 1956.
- [18] J. Hanway, The Defects of Police. The Cause of Immorality and the Continual Robberies Committed, Particularly in and about the Metropolis ... with Various Proposals for Preventing Hanging and Transportation, London, 1775.
- [19] O.A. Kiriyak, Sotsiokul’turnyy kontsept «vorovstvo» v russkom i angliyskom yazykovom soznanii [Sociocultural concept of “theft” in Russian and English languages. Abstr. cand. diss.], Belgorod, 2009.
- [20] Th.F. Buxton, An Inquiry, whether Crime and Misery are Produced or Prevented by our Present System of Prison Discipline, 3rd ed., J & A Arch, London, 1818.

VASILEVA Svetlana A. – Academy of Penal Service of Russia; VASI-SVETLANA@yandex.ru

Received 24.04.2017, accepted 22.09.2017.

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2017